КРУГЛЫЙ СТОЛ

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич

доктор геогр. наук, руководитель сектора проблем развития и функционирования территориальных экономических систем Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск)
Электронная почта: demyankenko@ecrin.ru

ГОРЮНОВ Александр Павлович

канд. экон. наук, заместитель директора по науке Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск)
Электронная почта: alex.goryunov@gmail.com

КОНДРАТЕНКО Галина Викторовна

младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
Электронная почта: gala103@ya.ru

ИСАЕВ Артём Геннадьевич

канд. экон. наук, руководитель сектора пространственных аспектов экономического развития Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск)
Электронная почта: isaev@ecrin.ru

Особенности регионального развития на Северо-Востоке КНР

УДК 321.7(510)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/80-96

Демьяненко А. Н.: Добрый день, коллеги. Сегодня у нас последняя в этом году встреча в рамках методологического семинара. Итак, у нас гости, они главные авторы-докладчики. Представляют они Владивосток, который является деловой, культурной и в ближайшем будущем административной столицей ДФО. Сегодня мы рассматриваем сюжет реформ экономики Китая в контексте «точек роста». Слово младшему научному сотруднику института истории ДВО РАН Галине Викторовне Кондратенко.

Кондратенко Г. В.: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я бы хотела поговорить о региональном развитии и о так называемых институтах развития. Сейчас мы, особенно на Дальнем Востоке, наблюдаем использование стратегии создания ТОРов и СПВ, и многие специалисты, анализируя эти процессы, говорят, что в качестве образца была выбрана стратегия Китая, где с начала 80-х годов создавались СЭЗ, которые оказались достаточно успешными, и их пример отчасти вдохновляет наших чиновников. Я буду непосредственно говорить о нашем соседе, то есть о Северо-Восточном Китае, где ситуация для КНР особая. Говоря о свободных экономических зонах, мы прежде всего имеем в виду СЭЗ в южной провинции Гуандун, которая была создана в 1980 году, а примером для неё были японские СЭЗ. То есть эта стратегия родилась отнюдь не в Китае: местные и центральные чиновники КНР посещали Японию, Южную Корею и страны Юго-Восточной Азии. В итоге было принято решение, что политика открытых дверей и создание СЭЗ будут оптимальной стратегией.

Для цитирования:
Демьяненко А. Н., Горюнов А. П., Кондратенко Г. В., Исаев А. Г. Особенности регионального развития на Северо-Востоке КНР // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 80–96.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/80-96

Закон об особых экономических зонах провинции Гуандун (1980 года), запланированный рамочным, оказался и достаточно детализированным. Для северо-восточных провинций эта модель оказалась не только непродуктивной, она не была даже рабочей. Фактически в регионе не было ни ресурсов, ни нормативной, ни экономической базы для реализации подобной модели. Кроме того, когда в 1990-е годы началась централизация и политика стала меняться, подводились итоги некоторых экспериментов, местным властям было позволено проявить творческую свободу и предложить какие-то варианты развития по созданию точек роста в регионе. Дэн Сяопину пришлось ездить по югу Китая и уговаривать местных лидеров продолжать эксперименты, убеждать в том, что рыночные реформы не будут свёрнуты.

На Северо-Востоке сложилась странная ситуация – одной из целей региональной политики стала выработка приемлемой модели, но не развития, а выживания. Как оказалось, модель существования госпредприятий в регионе была фактически исчерпана. Истощение материальной базы плюс абсолютная социальная нагрузка истощала фонды предприятий, которых не хватало не только на развитие, но даже на поддержание собственной жизнеспособности. Поскольку других источников развития не было, власти решили, что реформирование госпредприятий поможет вывести их из кризиса, на их основе получится создать какие-то точки развития региона. Государственные предприятия были выбраны в качестве площадки политики развития по нескольким причинам: во-первых, предприятия госсектора занимали большие производственные площади, были сконцентрированы в ключевых точках экономической жизни страны, были оснащены современным оборудованием и выпускали техноёмкую продукцию. Во-вторых, социальные функции, которые возлагались на госсектор, позволяли сохранять социальную стабильность и без огромных затрат на создание общенациональной системы социального обеспечения освободить капитал для инвестиций в экономическое развитие. В-третьих, согласно логике местных властей, решение структурных проблем госсектора в конечном итоге должно было привести к решению задачи регионального развития.

Тем не менее некоторые исследователи [11, с. 312], подводя итоги первым этапам реформирования до начала 2000-х гг., настаивали на том, что госпредприятия не могут стать локомотивом регионального развития в силу институциональных проблем, накопившихся за долгий срок их существования. Также они подчёркивали, что функции госпредприятий не совпадают с целями и функциями институтов развития. Но необходимо учитывать, что в китайской практике нет понятия «институт развития», а используется устойчивая языковая конструкция «институт экономического развития».

Периодизация реформы госсектора также сильно различается – китайские исследователи выделяют шесть этапов реформирования госсектора, начиная с пробного периода расширения самостоятельности в производстве и распределении прибыли (1979–1980) и заканчивая периодом перехода к рыночным механизмам деятельности госпредприятий (1994–2005) [8, с. 122]. Англоязычные авторы [9; 10, с. 293; 12] более строго подходят к периодизации: 1) 1980–1984 гг.: пробный этап, связанный с расширением производственной самостоятельности; 2) 1984–1986 гг.: введение подрядной системы ответственности и «двухколейной» системы цен (эта система консервировала положение Северо-Востока как сырьевого придатка восточных провинций страны); 3) 1986–1997 гг.: введение механизмов банкрот-

ства и акционирования госпредприятий, то есть появление элементов рыночного регулирования деятельности госпредприятий; 4) 1997–2001 гг.: введение системы внешних наблюдателей и выстраивание вертикальной системы управления госсектором.

Единого мнения в оценке результатов этой реформы нет: китайские исследователи говорят, что реформа госпредприятий была более-менее успешной, оценка же англоязычной литературы говорит о противоположном, о том, что это была самая неудачная реформа, которую затеяли в Китае. Если применять критерий смены формы собственности, то она не поменялась, соответственно, и реформу следует признать неудачной. Некоторые попытки были признаны удачными – после принятия в 1986 г. закона о банкротстве госпредприятий, когда появилась возможность поглощения и слияния предприятий, дело немного ускорилось. При Госсовете КНР была создана комиссия, которая занималась вопросами слияния и поглощения и определением эффективности госпредприятий; на сегодняшний момент существует 100 крупных госкорпораций, которые находятся в государственной собственности.

Демьяненко А. Н.: Это на Северо-Востоке или в целом по Китаю?

Кондратенко Г. В.: Нет, это в целом по Китаю. На Северо-Востоке ситуация была сложной, потому что Северо-Восток и старопромышленные базы о которых мы говорим, это в основном госпредприятия, реформа которых протекала сложно и до сих пор, если сравнить цифры по развитию частного сектора и государственного, регион сильно отстаёт. Если в целом по Китаю мы видим преобладание уже третьего сектора, то на Северо-Востоке об этом мы даже говорить не можем. Там статистика по частному сектору даёт иную картину – показатели едва ли не вдвое ниже, чем по Китаю в целом.

Стратегия 2003 г., направленная на возрождение старопромышленных баз, фактически подтолкнула центральные власти к тому, что реформа была признана неэффективной именно на Северо-Востоке, и были запущены новые механизмы. Проблема в том, что программа оказалась для региона опять же неудачной. Были опубликованы многочисленные планы, основной целью которых было даже не реформирование предприятий, а решение главных их проблем. Когда госпредприятия перестали выполнять экономическую функцию, у них стали постепенно забирать или пытались забрать и социальную функцию. В регионе возникала система не корпоративного, а частного или полугосударственного социального страхования. Было решено, что основная проблема функционирования системы госпредприятий заложена в непосильной социальной нагрузке, которая должна быть хотя бы перераспределена.

Демьяненко А. Н.: Такая же система существовала в СССР?

Кондратенко Г. В.: В сущности, да. Для Северо-Востока этот вопрос был актуален, учитывая, что все три провинции неоднородны по уровню развития. Две провинции – Цилинь и Хэйлунцзян – относятся к центральному Китаю в экономическом планировании, провинция Ляонин относится к Восточному региону, и программы их развития были абсолютно разными. Провинция Ляонин относится к Бохайскому региону развития, для которого было больше преференций, скажу только о том, что в 1986 г. Даляню был присвоен особый статус, город вышел из всех программ и стал зоной свободного

экономического развития, была сделана ставка не на экономику, а на туризм. Далянь стал огромной туристической базой.

Демьяненко А. Н.: Туризм – это не экономика?

Кондратенко Г. В.: В Китае, чтобы изменить структуру экономики, местное правительство должно подать особую заявку в центр. По-другому устроено администрирование экономики. В итоге было создано специальное бюро по туризму, которое могло принимать соответствующие решения. Сейчас Далянь является туристическим центром первой категории и в официальных документах закреплено, что туризм является базовой отраслью.

Говорить об особенностях реформирования госсектора в Северо-Восточном Китае можно всерьёз только начиная с 2003 года, после принятия «Программы возрождения старой промышленной базы Северо-Востока», одним из важных пунктов стала реформа системы имущественных прав и стратегия регулирования госсектора.

Регион проходил все этапы реформирования без срывов и серьёзных проблем до 1994 г., когда начался процесс акционирования. Согласно «Закону о компаниях» в редакции 1993 г., правилами акционирования госпредприятия разделялись на три типа: 1) предприятия, которые связаны с безопасностью государства: предприятия по оборонной технике, объекты по добыче редких металлов, предприятия и отрасли государственной монополии – акционированию не подлежат; 2) монополизированные предприятия: энергетика, транспорт, коммуникации так далее – могли быть акционированы в виде холдингов; 3) акционированные конкурентоспособные предприятия капиталоемких и техникоёмких отраслей. Из-за того что в Северо-Восточном Китае преобладали предприятия, относящиеся к первым двум категориям, процесс акционирования и санации госсектора проходил медленно и малоэффективно, по темпам акционирования и банкротства Северо-Восток отставал от других регионов Китая. Кроме того, по региону больно ударил процесс сокращения работников: несмотря на то, что официальных данных по количеству зарегистрированных безработных нет, этот показатель увеличился в пиковый период увольнений с 2001 по 2003 гг. в пров. Ляонин до 6,5%.

К 2002 г. на Северо-Востоке сложилась особенно тяжёлая ситуация, например, в пров. Хэйлунцзян убытки государственных предприятий местного уровня достигали 38,3 млрд. юаней, в то время как чистая стоимость государственной собственности составляла 35,8 млрд. [2, с. 314]. В 2000 г. всего в стране действовало 42426 государственных предприятий, из них в пров. Ляонин 2045, в Цзилинь 1347, в Хэйлунцзян 1269 [14, с. 29].

В 2003 г. местным правительствам трёх провинций Северо-Востока предложено было включиться в процесс реформирования госсектора в регионе, и результатом законотворчества стали нормативные документы, учитывающие особенности функционирования госсектора в провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян. В 2005 г. в провинции Ляонин вышел документ под названием «Политическое мнение народного правительства пров. Ляонин об углублении реформы государственных предприятий», в провинции Цзилинь – «Руководящие мнения о дальнейшем углублении реформы государственных промышленных предприятий», в 2004 г. в провинции Хэйлунцзян – «Экспериментальные правила о поощрении участия

всех типов инвесторов в реформе системы имущественных прав государственных предприятий». Общими идеями, которые объединяют эти документы, являются 1) снятие ограничений на акционирование и 2) совершенствование корпоративной системы социального обеспечения и политики занятости.

К промежуточным итогам реформы можно отнести тот факт, что, например, в 2007 г. в провинции Ляонин по результатам обследования было заявлено о 90% акционированных предприятий [13, с. 42]. К 2011 г. число государственных предприятий уменьшилось почти в 10 раз: всего их осталось 6707 по всей стране, в провинциях Ляонин 250, в Цзилинь 145, в Хэйлунцзян 215 [14, с. 34]. Поэтому главным результатом реформ признаётся уменьшение количества неэффективных предприятий в экономике страны и сокращение доли занятых в этой сфере. Кроме того, на Северо-Востоке проявились тенденции, которые в восточном Китае доминировали в 90-е гг. XX века – процессы объединения в холдинги и госкорпорации и процессы слияния и поглощения, которые вывели межбюджетные отношения госпредприятий и государства на приемлемый для обоих участников уровень.

Объясняя причины относительной неэффективности реформы госпредприятий, необходимо указать на следующие очевидные ошибки как центральных, так и местных властей. Во-первых, на начальном этапе сложилась практика, когда эффективные предприятия отдавали государству значительную часть прибыли, а нерентабельные пользовались государственными субсидиями – в итоге эффективные не развивались, а убыточные не разорялись. Во-вторых, по-прежнему сохранялся контроль со стороны местных властей, который превращался в местный протекционизм. Возможно, что одной из причин провала первого этапа стало сопротивление контролирующих органов, так как превращение госпредприятий в акционерные общества должно было существенно снизить бюрократическую нагрузку и сократить подобные связи. К началу 1990-х годов значительная часть органов, занимающихся регулированием или контролем экономической деятельности, была переведена из местного подчинения в вертикально интегрированные структуры.

Второй этап был более радикальным и разноплановым, но реформа сдерживалась отсутствием рынка труда и альтернативной системы социального обеспечения. Государственные предприятия по-прежнему несли социальную нагрузку, которая оттягивала значительные средства и мешала развитию самих предприятий. Это обстоятельство также мешало модернизации госсектора и превращение его в институт развития в силу того, что институты развития не решают напрямую социальные задачи, лишь косвенно способствуя повышению качества человеческого капитала.

Тем не менее ещё в 90-е годы, когда госпредприятия стали финансово обременительными для местных властей (до провинциального уровня) и стало очевидно, что они неспособны быть локомотивом роста региональной экономики без решения структурных проблем, на местах стали создавать промышленные парки; в них входили высокотехнологичные экономические зоны, зоны свободной торговли, зоны экспортной переработки, зоны технологического и экономического развития.

Однако отказ от стратегии развития госпредприятий привёл к новому измерению развития регионов – экономике локализации. Регионы с момента открытия «технологических парков» стали конкурировать за инвестиции, источником этого капитала выступали в основном частные компании и иностранные инвесторы. Кроме того, возникла проблема повторных (двойных) инвестиций. Стоит указать и ещё на одно обстоятельство – так как Гонконг фактически являлся оффшором, то одной из его функций был транзит капитала, часть которого (по некоторым оценкам, от 25 до 40%) поступала от китайских госкорпораций и госбанков и реинвестировалась в китайские СЭЗ.

В начале реформы госсектора и местные, и центральные власти всерьёз рассматривали госпредприятия как локомотивы развития, но с появлением других инструментов (СЭЗ) и после ряда неудачных мероприятий даже сама реформа госпредприятий отошла на второй план. Хотя надо признать, что госпредприятия центрального подчинения в результате реформы превратились в госкорпорации, стали отраслевыми монополистами, вышли на внешний рынок и даже отчасти выполняли роль институтов развития. На примере Северо-Восточного Китая видно, насколько было трудно входить в рыночные отношения (наиболее тяжёлым испытанием стала двухуровневая система цен) госпредприятиям в регионе с преобладающим госсектором; отсутствие конкуренции со стороны частного сектора законсервировало структуру экономики с преобладающим вторым сектором на несколько десятилетий.

Демьяненко А. Н.: На этой оптимистичной ноте мы можем перейти к вопросам. Коллеги, есть вопросы? У меня есть несколько уточняющих вопросов. Речь шла о реформировании госпредприятий старопромышленных баз. Чем все-таки отличается Северо-Восток от того, как проходило реформирование госпредприятий в остальном Китае? Региональная специфика была изначальной или она появилась только в конце периода реформ, когда вдруг выяснилось, что реформы не работают?

Кондратенко Г. В.: Специфика была изначально, когда принималось решение о реформировании. Очевидной и самой главной чертой было то, что на Северо-Востоке госпредприятий было намного больше, чем по всей стране. Есть ещё одна провинция, которая столкнулась с такой же проблемой – это угледобывающая провинция Шаньдун. Как только в Китае началась проблемы с экологией, шахты стали массово закрывать.

Демьяненко А. Н.: Вы сказали, что Далянь относится к туристическим центрам первой категории, а вот помимо Даляня к этим центрам, что ещё относится?

Кондратенко Г. В.: На Северо-Востоке только Далянь.

Демьяненко А. Н.: Только Далянь. А вообще в Китае таких центров сколько?

Кондратенко Г. В.: Достаточно много. Во-первых, Шанхай относится к этой категории. Сиань, Ханьчжоу, родина Конфуция. Также продвигают Лоян, потому что существует такое понятие, как имперские столицы Китая, которое объединяет несколько городов. Пекин. Шэньян, несмотря на наличие Гутуна, до сих пор не вошёл в эту категорию.

Демьяненко А. Н.: Сам факт отнесения того или иного города к числу туристических столиц что-то даёт городу? И кто принимает решение о предоставлении такого статуса?

Кондратенко Г. В.: Местные власти подают заявку в центр, необходимо выполнить ряд критериев. Что это даёт – во-первых, они включаются в другую стратегию развития, во-вторых, административные решения выполняются по другому механизму плюс другая отчётность и, в-третьих, это даёт преференции и субсидии по другим программам и, соответственно, другие источники финансирования, которые меньше размываются по этим программам. Потому что туристических центров пока мало. С Далянем всё понятно. У них есть Ляйшунью – это музей под открытым небом, который принимает до 1 млн. туристов в год.

Горюнов А. П.: Изучение реформы госпредприятий – это ваша тема исследования?

Кондратенко Г. В.: Я занимаюсь социальной политикой в Китае и на Северо-Востоке, в частности. И очень долго мне было непонятно, почему не работают в регионе установки социальной политики, непонятно, как работает корпоративная система социального обеспечения и как с ней сосуществует современная система, которую они пытаются создать, в чём проблемы функционирования социального обеспечения в 1980–1990-е годы.

Горюнов А. П.: То есть вы рассматриваете процесс создания системы социального обеспечения на этом историческом отрезке в трёх провинциях Северо-Востока?

Кондратенко Г. В.: Я рассматриваю госпредприятия не с экономической точки зрения, а именно с социальной.

Демьяненко А. Н.: И что же получается в результате реформирования? Если по Китаю в целом, скажем, по мнению Рональда Коуза и Ван Нина [7], реформирование, не без проблем, но всё-таки достигло своих целей, то для этого региона таких радужных результатов мы не видим. Я правильно понимаю? Они совершили конверсию социальной сферы госпредприятий, и что дальше?

Кондратенко Г. В.: Не совершили, дело в том, что, так как на Северо-Востоке изначально государственный сектор был очень большим и доминирующим, власти не смогли перераспределить ресурсы. Если по всему Китаю в основном, я не касаюсь сейчас Запада и Юго-Запада, частный сектор оказался более жизнеспособным, и постепенно произошло перераспределение ресурсов, в том числе и человеческих, на Северо-Востоке, к сожалению, частный сектор оказался менее жизнеспособным, местные власти так и не смогли переформатировать экономику.

Демьяненко А. Н.: И всё-таки специфика Северо-Востока состоит в том, что здесь госпредприятий было много или есть ещё какие-то особенности?

Кондратенко Г. В.: Хороший вопрос. Проблема в том, что сами китайцы не могут или не хотят на него ответить. В 2007 г. этот вопрос изучала правительственная комиссия, были подведены предварительные итоги реформ и реализации программы возрождения старопромышленных баз, дошло до того, что центральные власти обвинили власти трёх северо-восточных провинций в том, что их «неправильный» менталитет мешает реформированию. То есть суще-

ствуется особый северо-восточный менталитет, который не поддерживает предпринимательскую логику, и они не хотят меняться.

Демьяненко А. Н.: В этом может быть есть резон?

Кондратенко Г. В.: Сложно об этом говорить, потому что никаких свидетельств наличия подобных фактов на Северо-Востоке нет, тем более что этот регион заселялся выходцами из Шаньдуня, которые у себя на родине хорошо развернулись.

Демьяненко А. Н.: Я почему задал этот вопрос? Дело в том, что в одном из результирующих разделов книги Коуза и Ван Нина [7] отмечается, что помимо всего прочего, успех реформ в целом в Китае был связан с тем, что население было ментально готово к изменениям. Следовательно, можно предположить, что не так уж далеки были от правды эти люди, которые говорят, что на Северо-Востоке что-то не так с ментальными установками или это просто блажь?

Кондратенко Г. В.: Стартовые условия на Северо-Востоке были намного лучше к началу реформ.

Демьяненко А. Н.: И поэтому отказываться от хорошего никто не хотел?

Кондратенко Г. В.: Эти провинции были более развитыми, экономические показатели, особенно провинции Ляонин, были лучше, она занимала шестое место по стране, провинция Цзилинь – двенадцатое место. Проблемы выживания к началу реформ, как, например, на востоке страны, не стояли. Консервация государственного сектора – постоянные субсидии, дотации и господдержка, возможно, и не позволили населению быстро включиться в процесс создания частных предприятий.

Горюнов А. П.: Мы говорим о населении так, как будто на юге было, допустим, население, которое хотело включиться, а на северо-востоке было население, которое не хотело включиться. А на самом деле на юге население было гораздо больше, чем на северо-востоке и значительная часть этого населения не имела никаких проблем включаться куда угодно, потому что оно не было включено вообще никуда.

Демьяненко А. Н.: Вот он ключевой момент – там, где вопрос стоял о выживании, не возникало проблем с тем, чтобы попробовать что-то новое, а там, где был достаточно высокий уровень жизни по китайским меркам, им было страшно меняться самим.

Кондратенко Г. В.: Да, но это были только 90-е годы. В 2000-х годах, когда на востоке и на юге стало намного лучше, северо-восток ничего не предложил, и уровень жизни упал.

Горюнов А. П.: А кто мог на Северо-Востоке что-то предлагать?

Кондратенко Г. В.: Прежде всего это могли быть инициативы местных властей.

Горюнов А. П.: Местные власти, как мы понимаем, сделать ничего не могут.

Кондратенко Г. В.: Изначально творческая инициатива была на стороне местных властей.

Горюнов А. П.: Это догма наших чиновников, которые считают, что надо найти каких-нибудь ещё более креативных чиновников, которые проявят инициативу и что-нибудь разовьют. Но ни у нас, ни в Китае, чиновник сам сделать ничего не может. Он может креативить сколько захочет, но...

Демьяненко А. Н.: Приведу один пример из уже упоминавшейся работы Коуза и Ван Мина. Если не ошибаюсь, в 1976 г. секретарь партийной организации провинции Аньхой в деревне «Гора девяти драконов» подпольным образом договорился о том, что часть людей, которые входят в коммуну, могли перейти на занятие фермерством, вести хозяйство, но выполнять какое-то задание и вносить вклад в коммуну. Два года они так жили, несмотря на партийную установку.

Горюнов А. П.: Сколько из этих ферм возглавлял секретарь парткома? И сколько килограмм брюквы этот секретарь сдавал? Для того чтобы секретарь парткома мог организовать какие-то фермерские хозяйства, нужны фермеры. Фактически, этот секретарь закрывал глаза на незаконную деятельность фермеров, поэтому здесь речь скорее идет о бездействии местной власти, а не её деятельности.

Демьяненко А. Н.: Оказывается нужны не фермеры, а крестьяне, которые не прочь стать фермерами, они были готовы, потому что им нужно было выживать. То же самое происходило не только в провинции Аньхой, но и в тех провинциях, в которых уровень жизни на селе был крайне низким. Как ответ появлялись различные стратегии выживания. Только в советской и постсоветской литературе, когда речь заходит о реформах в Китае, говорят о какой-то заранее продуманной стратегии модернизации китайской экономики. Но как не было, такой стратегии не существовало и до сих пор не существует.

Кондратенко Г. В.: Я приведу несколько примеров, которые иллюстрируют последний сюжет. Во-первых, на Северо-Востоке есть города ресурсного типа, которые в России называются моногородами. В связи с выработкой ресурсов в этих городах, чаще всего это уголь и нефть, стало очевидно, что людям некуда деваться, будет либо массовый отток, либо резко упадёт уровень жизни и придётся увеличивать расходы на социальную помощь. Есть пример Дацина, власти которого приняли стратегию развития туризма на местном уровне, так называемый шахтёрский туризм, причём они сначала попробовали, и потом в Центре стратегия была принята, была разработана особая программа. Город Фушунь в провинции Ляонин после истощения угольных запасов переориентировался на производство оборудования для ветровых электростанций и сейчас является столицей ветроэнергетики Китая. Они предложили программу выживания своего города и добились того, что около 60% китайского ветроэнергетического оборудования производится в этом городе.

Горюнов А. П.: А что мешало Северо-Востоку принять такие программы?

Кондратенко Г. В.: Программ у них много, но, наверное, у них есть право на ошибку. Если программа не работает в течение какого-то времени, они имеют возможность принять другую.

Горюнов А. П.: Программы есть, чиновники креативные есть, но это зависит не от креативности чиновников.

Демьяненко А. Н.: Я приведу небольшую цитату: «Как только Пекин отказался от монополии на истину в экономической политике и позволил экспериментально определять курс экономической политики, региональная конкуренция набрала силу» [7, с. 226]. Ключевые слова – как только Пекин отказался от монополии на истину, вы можете представить такую ситуацию у нас?

Исаев А. Г.: Тут такая фраза немного философская.

Демьяненко А. Н.: Нет, Рональд Коуз, которого я цитировал, наверное, немного философ, но Ван Нин точно нет. Получается, что сама система государственного управления в Китае, которая сложилась более 3000 лет назад, предполагала силу разнообразия условий: управлять из столицы, где бы она не находилась, невозможно. Это было уже тогда понятно, легисты это прекрасно понимали. Сама система государственного устройства в Китае изначально децентрализована. Мы это понять никак не в состоянии. И спектр решений, которые может принять местная администрация, в среднем больше, чем у нас на том же уровне. Сам институт государственного устройства работает через децентрализацию и передачу полномочий вниз. Коуз и Ван Нин зафиксировали исходный тезис – «чередa событий, приведших Китай к капитализму, никем не планировалась, в итоге реформа оказалась полной неожиданностью для всех» [7, с. 11].

Горюнов А. П.: Чем это отличается от нашего случая?

Демьяненко А. Н.: Чтобы было понятно – никто не может планировать то, что планировать невозможно. Что же касается китайских реформ, то это пример того, что Хайек ещё в 1960-е годы обозначил, как «непреднамеренными последствиями человеческих действий».

Горюнов А. П.: Я здесь не соглашусь, планировать можно запросто, то что невозможно запланировать. Это делалось и у нас, и в Китае.

Демьяненко А. Н.: Конечно, при желании планировать можно все. Но есть планирование и планирование. Первые советские планы, в том числе и первый пятилетний и план колонизации Дальнего Востока, это планирование, опирающееся на достаточно внятную теоретическую конструкцию, при этом при разработке плановых решений принимались во внимание и мнения мест. Это потом, планирование стало директивным, а местам лишь спускались готовые решения для их исполнения. В КНР тоже была попытка введения централизованного планирования, но в ходе реформ от нее отказались, скажем, так в пользу децентрализованного планирования.

Горюнов А. П.: Как это объясняет неуспешность Северо-Востока?

Кондратенко Г. В.: Как объясняют китайские исследователи, проблема и в централизации, и в децентрализации. Во-первых, планов в Китае очень много и их частично или полностью включают в центральный план, например, Северо-Восток пытались включить в стратегию «Один пояс – один путь», хотя он к этому пути прямого отношения не имеет. В провинции Хэйлунцзян был разработан такой план, они пытались включиться. Но проблема в другом – ориентированность провинции на внешние рынки, и для данного региона это действительно имеет значение. Ведь если мы говорим про юг, то там всё достаточно очевидно – это экспортоориентированное производство: то, чем торговали в Харбине и в приграничных городах, это всё произведено на юге и востоке Китая. А Северо-Восток не смог встроиться и создать необходимые деловые связи прежде всего с Россией: провинция Хэйлунцзян одна из самых пострадавших, несмотря на то что они пытались предложить какие-то стратегии развития и развиваться за счёт своих соседей, потому что внутренний потенциал был так или иначе не самым высоким.

Демьяненко А. Н.: То есть они проиграли конкурентную борьбу другим регионам Китая?

Кондратенко Г. В.: Фактически да, у Хейлунцзяна самым перспективным партнёром была Россия.

Горюнов А. П.: А с кем и как он конкурировал с другими регионами Китая? Северо-Восток, это, в основном, промышленность, нацеленная на внутренний китайский рынок?

Кондратенко Г. В.: Отчасти. Когда создаются свободные экономические зоны, когда практически в каждом городе есть так называемые районы экспортного производства, районы с особым экономическим статусом, это размывает режим преференций и снижает его эффективность. Например, в провинции Цзилинь есть автомобильный завод, когда-то он был в Китае едва ли не единственным, но когда появилась альтернатива в Шанхае, то продукция Чанчуня стала неконкурентоспособной.

Горюнов А. П.: Это тот же самый пример, это нацеленность на внутрикитайский рынок прежде всего старых промышленных предприятий ещё тогда созданных для развития китайской промышленности, которые были просто подмяты тем, что было создано для экспорта на юге, а потом просто перенацелилось.

Исаев А. Г.: Они проиграли борьбу внутри Китая и не смогли выйти на внешние рынки. В силу того, что эти старые предприятия расположены в Северо-Восточных районах Китая, они не обладали такими важным конкурентным преимуществом, как расположение вблизи точек «касания» Китая с мировыми рынками. Соответственно, в силу этого Северо-Восточные провинции гораздо слабее затронуты магистральными потоками ресурсов (финансовых, технологических), проходящих через Китай. По сути дела, они граничат с Дальним Востоком России. За доступ к экспортной инфраструктуре им приходится конкурировать с более сильными соперниками. Здесь единственная альтернатива для них – транспортные коридоры через российскую территорию, которые еще только развиваются.

Горюнов А. П.: А как выйти вовне? Так же как и наша промышленность – как она могла выйти вовне, ведь она для этого никогда не создавалась.

Демьяненко А. Н.: Здесь не все так просто. Есть такая замечательная фраза, которая принадлежит В. Анучину, он в своё время сформулировал тезис, что «КВЖД открыла миру Маньчжурию» [1], то есть Северо-Восток. А конечный пункт КВЖД – Владивосток, и до тех пор, пока эта связка функционировала, наверное, можно было надеяться, что экономика Маньчжурии и экономика Дальнего Востока, имеют шансы на мировых рынках. Но вне этой связки владивостокский порт, хотя он сейчас и «свободный», не конкурент Даляню, в том числе и в качестве туристического центра.

Кондратенко Г. В.: Но Далянь завязан на Японию и Южную Корею, а не на Россию. А с другой стороны, китайцы предлагают какую-то свою продукцию, например, если автомобильная отрасль у них ещё недостаточно развита, и на российском рынке китайские автомобили не пользуются спросом, но зато комплектующие и запчасти в основном китайского производства. То есть они пытаются находить ниши и на российском рынке. Именно поэтому была предложена другая стратегия, согласно которой Северо-Восток становится логистическим центром.

Исаев А. Г.: Для Северо-Восточного Китая рынок Дальнего Востока России очень мал. В сравнении с внутренним китайским, на порядок. К тому же комплектующие, не только автомобильные, но и электронные, производятся в Китае, главным образом в южных провинциях. Правительство КНР стремится развивать промышленную базу северных провинций. Известно, что одним из условий приобретения Китаем региональных пассажирских самолетов Embraer, было строительство завода по их сборке в Харбине.

Кондратенко Г. В.: Именно поэтому была предложена другая стратегия, согласно которой Северо-Восток становится логистическим центром.

Демьяненко А. Н.: Одна из проблем китайского Северо-Востока заключается в том, что не очень развивается российский Дальний Восток.

Горюнов А. П.: Это стратегия Хэйлунцзяна, про неё уже много рассказывал Владимир Евгеньевич Кучерявенко [6], много писал по этому поводу и Дмитрий Александрович Изотов [4, 5]. Эта стратегия ведь была нацелена не на экспорт на Дальний Восток, а, наоборот, на импорт ресурсов из Дальнего Востока, переработку и вывоз в Китай.

Демьяненко А. Н.: Но, с другой стороны, как правильно было замечено, как только мы ввели таможенные ограничения на вывоз круглого леса, посыпалась вся сунгарийская лесоперерабатывающая промышленность, которая была ориентирована на внутренний рынок Китая. Если это называется реализацией совместной стратегии, то...

Кондратенко Г. В.: Китайцы выбрали очень странную тактику, в ТОРах китайских резидентов очень немного, и они почему-то ничего не делают. Японские инвесторы очень заинтересованы, из десяти японских резидентов шесть уже оформили заявки и начинают деятельность. Китайские резиденты обвиняют российскую сторону в коррумпированности и нежелании сотрудничать с ними, но при этом сами ведут дела как в 90-е годы.

Демьяненко А. Н.: После всего того, что вы рассказали, вспоминаю слова Георгия Вернадского о том, что хотя исторический процесс целостен, но изучать его следует по частям, периодами [3]. В этой связи процесс институциональных преобразований в Северо-Восточном Китае, на какие части распадается, или это монотонный процесс, начиная с 70-х годов XX века?

Кондратенко Г. В.: Нет, это не монотонный процесс и разделяют его на этапы по административным мерам – процесс акционирования, процесс смены правления, дальше это процесс слияний и поглощений прежде всего и ещё один параллельный процесс – снижение социальной нагрузки, когда происходило просто перераспределение средств.

Демьяненко А. Н.: И какие же это периоды? Вопрос о критериях выделения периодов очень важен в данном случае.

Горюнов А. П.: Что сильно путает мозги и карты в случае Китая, так это разница в начальных состояниях Китая и Советского Союза и России, потому что нам сейчас уже сложно представить себе ситуацию, когда вся социальная защита завязана на предприятие, исключительно на предприятие. Нет пенсионной системы, нет фактически налогов, и ничего из этого не создаётся годами. Естественно такая ситуация, когда надо что-то делать, и никто не знает, что делать, и ни-

кто ничего не делает, порождает систему, в которой какие-то местные инициативы играют роль. У нас тоже была проблема с госпредприятиями, но у нас это решалось по-другому, у нас это решалось созданием централизованных систем, которые бы обеспечивали социальные запросы, и всё это ликвидировалось в конце концов. В Китае ситуация была совершенно другая, и мне кажется, она в большей степени объясняет неудачи Северо-Востока, чем какая-то психология, чем отсутствие креатива местных чиновников, потому что на Северо-Востоке действительно был выше уровень развития и уровень социальной обеспеченности был выше. И как ломать эту систему, которая кое-как работает, если её можно держать субсидиями в течение продолжительного времени и не иметь при этом особых проблем. А на юге и в центре такой проблемы не было, держать ничего не надо было и можно было делать всё что угодно. Но опять же мы ещё ничего не сказали про хуацяо, про которых всегда идёт речь в случае юга. Их не было на Северо-Востоке и никто их туда и не пускал.

Демьяненко А. Н.: Может быть, проблема и заключается в том, что Китай такой большой и такой разнообразный, что общей стратегии просто быть не может.

Горюнов А. П.: Так проблема и заключается в том, что общая стратегия была, она и сейчас есть. На Северо-Восток натягивали общий этот подход, и это там не работало и не могло работать, потому что попробуйте выгнать кого-нибудь с госпредприятия, на котором они получали зарплату, обеды бесплатные, дети в садик ходили.

Кондратенко Г. В.: Массовые увольнения на Северо-Востоке были.

Горюнов А. П.: Но спустя сколько времени! Я помню ещё в 2003 г. в Китае были непрерывные стенания по поводу того, что надо закрывать предприятия и в 2004 г., и в 2005 г. наблюдалась та же ситуация.

Демьяненко А. Н.: Северо-Восток мне напоминает российскую действительность в первой половине 90-х, когда тоже не закрывали предприятия, чтобы сохранить трудовой коллектив. С точки зрения этого сравнения, получается, что Северо-Востоку некуда было деваться, и он всё равно пойдёт по этому пути.

Горюнов А. П.: Он уже идёт по этому пути, и для начала нужно было создать какую-то систему государственную, которая хоть как-то бы амортизировала, потому что в противном случае ты получишь крупные неприятности.

Демьяненко А. Н.: Это предполагает формирование частных и частично-государственных систем страхования.

Кондратенко Г. В.: В 2003 г. появились документы (и то это связано с тем, что в 2001 г. произошли массовые увольнения в провинции Ляонин) о создании системы пенсионного страхования, медицинского обеспечения. А вот деревня стоит особняком, потому что корпоративная система существовала в городах, и там отступление шло бы постепенно, когда взносы частично оплачивал работодатель, частично платили сами работники, и за членов семьи также шла частичная компенсация, на селе же система была частной. В деревне всё оплачивалось самими крестьянами, фермерами. В 2007 г. появились документы о совершенствовании этой системы, в том же году был проведён социальный эксперимент в провинции Ляонин, который был единственным на всю страну, были апробированы пилотные проекты

медицинского страхования, системы повторного трудоустройства. Сейчас китайские власти говорят о том, что 80% городского населения охвачено социальным страхованием.

Демьяненко А. Н.: А в селе?

Кондратенко Г. В.: По селу более осторожные цифры, около 60%. Но в селе происходят другие процессы, Северо-Восток затрагивают процессы миграции, миграционный поток меньше, чем в целом по стране, но он существует, и это люди, которые не задействованы ни в какой системе социального страхования.

Демьяненко А. Н.: Я правильно понимаю, что всё находится на уровне проектов?

Кондратенко Г. В.: Нет, уже всё-таки не на уровне пилотных проектов. Мы смотрим результаты и изучаем процессы по провинциям и видим, что система социального страхования различается по регионам, имеет особенности и говорить в целом о ней достаточно сложно.

Демьяненко А. Н.: Позвольте, я подведу некоторые промежуточные итоги. Смотрите, что получается, если встать на нормальную историческую логику, логику исторического исследования экономического процесса, то, наверное, придётся вернуться к Георгию Вернадскому и чётко зафиксировать, что этот процесс распадается на отдельные части, периоды, отличающиеся друг от друга. Мы прослеживаем эволюцию, процесс трансформации госпредприятий как фирмы, с одной стороны, и в то же время как некоего социального института, с другой. Мы выяснили, что Китай настолько разнообразен, что говорить о Китае в целом в данном контексте весьма затруднительно. То есть при обсуждении экономических процессов, необходимо чётко представлять экономическое пространство Китая – и как его делимитировать, для каких целей, в противном случае у нас всё сведётся к каким-то банальностям, пока мы не поймём, чем отличается протекание экономических процессов на Северо-Востоке от, например, Северо-Запада.

Горюнов А. П.: Тут надо особо отметить системы перераспределения и говорить о социальных институтах, потому что эти системы в Китае, там, где они существовали, были основаны на перераспределении экономических ресурсов в пользу участников этих систем. Они базировались на предприятиях, работники которых получали социальные услуги от предприятия.

Кондратенко Г. В.: Если в целом говорить, то всё, что происходило с реформированием госпредприятий (и в чём была главная ошибка реформаторов), осуществлялось с помощью экономических мер – введения подрядной системы, процедуры банкротства и внешних наблюдателей, а от социальной нагрузки предприятия не освобождались. Они должны были на всех этапах экономического переустройства её сохранять, а иногда ещё и расширять, потому что деваться было некуда, так как не было альтернативной системы: предприятия несут не только экономическую, но и социальную нагрузку. Соответственно, свободных ресурсов на собственное развитие у них не оставалось. Самая главная задача реформ в Китае – сохранение социальной стабильности. А каждый лидер приходил к власти со своей задачей, например одной из задач была борьба с бедностью.

Демьяненко А. Н.: Это в китайской традиции, когда каждая эпоха начинается с лозунга, и Си Цзиньпин не является исключением, как и его непосредственные предшественники.

Кондратенко Г. В.: Является исключением, потому что он перевернул китайскую историю с ног на голову. Считалось, что до него всё шло поступательно, и когда Ху Цзиньтао говорил о китайской цивилизации, о единой духовной и материальной цивилизации, считалось, что китайцы прошли определённый период и возвращаться к проблеме борьбы с бедностью нет никакой необходимости. А Си заявил об идее, о которой мог говорить только Дэн Сяопин в начальный период реформ, и оказалось, что реформы зашли в тупик, в том числе и социальные, и начинать надо с самого начала.

Демьяненко А. Н.: Механизм, заведённый Дэн Сяопином ещё в 70-е, был предназначен для реализации простой цели: Китай будет строить эффективную экономику. Чётко было сказано: хотим эффективную экономику, а эффективная экономика это единственный способ борьбы с бедностью, даже не с бедностью, а с нищетой. Они приезжали из-за границы, откуда привозили опыт. Да, они не могли сказать, что мы не хотим строить социализм, но, не желая строить капитализм, они его строили. Потому что периферийные революции, которые происходили на периферии китайской – и деколлективизация, и приватизация поселковых и волостных предприятий и так далее – родились не в Пекине. Механизм, заведённый Дэном через эти реформы, когда он сумел поддержать эти периферийные реформы и оформить их на уровне центрального правительства, стал на тот момент самым эффективным. Сейчас уже нет таких проблем, сейчас обсуждаются другие вопросы – проблемы с финансами, замедляются темпы промышленного роста, то есть модель, предложенная Дэном, если не исчерпала себя, то требует серьёзной перенастройки.

Кондратенко Г. В.: Дело в том, что сигналы, которые посылает Центр, так или иначе отзываются на местах, и это является не руководством, но отправной точкой для действий местных властей.

Демьяненко А. Н.: Борьба с бедностью вне перенастройки текущего экономического механизма, вне трансформации институтов развития просто невозможна. Однако как бы этот сюжет ни был интересен, оставим его рассмотрение на будущее. А сейчас всем спасибо за участие в семинаре.

Литература

1. Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. – М.: ОГИЗ-Географиз, 1948. 300 с.
2. Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. 560 с.
3. Вернадский В. И. Русская история. – М.: Аграф, 1997. 544 с.
4. Изотов Д. А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 48–70.
5. Изотов Д. А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 149–176.
6. Изотов Д. А., Кучерявенко В. Е. Северо-Восток Китая в условиях реализации Плана возрождения экономики // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 140–158.
7. Коуз Р., Ван Нин. Как Китай стал капиталистическим. – М.: Новое изда-

тельство, 2016. 386 с.

8. Ли Ченсюнь. Новые китайские госпредприятия // Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии / под ред. Л. В. Никифорова, Т. Е. Кузнецовой, М. Б. Гусевой; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2005. С. 120–126.

9. Granick D. Chinese State Enterprises: Regional Property Rights Analysis. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. 358 p.

10. Jeffries I. Economic Developments in Contemporary China. A Guide. – New York: Routledge. 2011. 720 p.

11. Lin Yi-min, Zhu Tian. Ownership Restructing in Chinese State Industry: An Analysis of Evidence on Initial Organizational Changes // China Quarterly, 2001. Vol. 166.

P. 305–341.

12. Qian Yingyi. How Reform Worked in China / William Davidson Working Paper Number 473. June 2002. 62 p.

13. 辽宁蓝皮书 2008. 辽宁经济社会形势分析与预测/主编曹晓峰. = Синяя книга провинции Ляонин. 2008 г. Анализ и прогноз социально-экономического положения провинции Ляонин / Под ред. Цао Сяофэн. 北京: 社会科学文献出版社. 2008. 421 с.

14. 中国东北地区发展报告. 2014. (东北蓝皮书)/马克, 黄文艺 主编. = Доклад о развитии Северо-Востока Китая 2014 (Синяя книга Северо-Восточного Китая) / Под ред. Ма Ке, Хуан Вэньи. 北京: 社会科学文献出版社. 2014. 400 с.

Aleksandr N. DEMYANENKO

Ph. D. (in Geography), Professor, Chief researcher, Economic Research Institute FEB RAS (Khabarovsk, Russia)

E-mail: demyanenko@ecrin.ru

Aleksandr P. GORYUNOV

Ph. D. (in Economics), Deputy Director, Economic Research Institute FEB RAS (Khabarovsk, Russia)

E-mail: alex.goryunov@gmail.com

Galina V. KONDRATENKO

Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

E-mail: gala103@ya.ru

Artyom G. ISAEV

Ph. D. (in Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Institute FEB RAS (Khabarovsk, Russia)

E-mail: isaev@ecrin.ru

Features of Regional Development in the North-East of PRC

УДК 321.7(510)

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/80-96](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/80-96)

As an industrialized region of Mao's times, since the beginning of liberal economic reforms, the Northeast has been in the group of lagging territories. The peculiarity of the modern economy of the region is a powerful pool of state-owned enterprises of heavy industry. Reforms in the regional economy were announced at the beginning of the 90s, but in fact, they began only from the 2000s. However, the relatively inefficient (and even unprofitable) large state-owned enterprises of heavy industry still dominate the regional economy. The roundtable participants cited several reasons for the lag in the economic development of the Northeast. First, the remoteness of enterprises in the region from the "touch points" of China with world markets, from transport channels.

At the same time, cooperation with Russia does not provide the Northeast with sufficient incentives for development. Second, the legacy of the social policy of the PRC, forcing large groups of workers to remain in enterprises. Third, the system of intraregional and interregional redistribution of budgets, compensating for the economic inefficiency of enterprises in the region.

For citation: Demyanenko A. N., Goryunov A. P., Kondratenko G. V., Isaev A. G. Features of Regional Development in the North-East of PRC // Oriental Institute Journal. 2019. № 2. P. 80–96. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/80-96

References

1. Anuchin V. A. Geograficheskie ocherki Man'chzhurii. – M.: OGIz-Geografiz, 1948. 300 s.
2. Berger YA. M. EHkonomicheskaya strategiya Kitaya. – M.: ID «FORUM», 2009. 560 s.
3. Vernadskij V. I. Russkaya istoriya. – M.: Agraf, 1997. 544 s.
4. Izotov D. A. Problemy ehkonomicheskogo vzaimodejstviya sopredel'nykh regionov Rossii i Kitaya // Regionalistika. 2014. T. 1. № 1. S. 48–70.
5. Izotov D. A. Programma sotrudnichestva mezhdru Vostokom Rossii i Severo-Vostokom Kitaya: nastoyashhee i budushhee // Prostranstvennaya ehkonomika. 2014. № 2. S. 149–176.
6. Izotov D. A., Kucheryavenko V. E. Severo-Vostok Kitaya v usloviyakh realizatsii Plana vozrozhdeniya ehkonomiki // Prostranstvennaya ehkonomika. 2009. № 2. S. 140–158.
7. Kouz R., Van Nin. Kak Kitaj stal kapitalisticheskim. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2016. 386 s.
8. Li CHensyun'. Novye kitajskie gospredpriyatiya // Kitaj i Rossiya: obshhee i osobennoe v sotsial'no-ehkonomicheskom razvitii / pod red. L. V. Nikiforova, T. E. Kuznetsovoj, M. B. Gusevoj; In-t ehkonomiki RAN. – M.: Nauka, 2005. S. 120–126.
9. Granick D. Chinese State Enterprises: Regional Property Rights Analysis. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. 358 p.
10. Jeffries I. Economic Developments in Contemporary China. A Guide. – New York: Routledge. 2011. 720 p.
11. Lin Yi-min, Zhu Tian. Ownership Restructing in Chinese State Industry: An Analysis of Evidence on Initial Organizational Changes // China Quarterly, 2001. Vol. 166. P. 305–341.
12. Qian Yingyi. How Reform Worked in China / William Davidson Working Paper Number 473. June 2002. 62 p.
13. 辽宁蓝皮书 2008. 辽宁经济社会形势分析与预测/主编曹晓峰. = Sinyaya kniga provintsii Lyaonin. 2008 g. Analiz i prognoz sotsial'no-ehkonomicheskogo polozheniya provintsii Lyaonin / Pod red. TSao Syaofehn. Beijing: 社会科学文献出版社. 2008. 421 s.
14. 中国东北地区发展报告. 2014. (东北蓝皮书)/马克, 黄文艺 主编. = Doklad o razvitii Severo-Vostoka Kitaya 2014 (Sinyaya kniga Severo-Vostochnogo Kitaya) / Pod red. Ma Ke, KHuan Vehn'i. Beijing: 社会科学文献出版社. 2014. 400 c.